

Научная статья

УДК 8.81'36

doi: 10.17223/19986645/96/3

Типы и функции словообразовательных моделей в аспекте разных лингвистических парадигм

Ольга Юрьевна Крючкова¹

¹ *Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия, vpks@rambler.ru*

Аннотация. Рассмотрены типы и функции словообразовательных моделей с позиций структурно-семантического, коммуникативного и когнитивного подходов. Предложена когнитивная интерпретация словообразовательных моделей, классифицированных ранее с позиций иных парадигмальных подходов. Определены два основных типа концептуализации, с которыми связан словообразовательный механизм русского языка, – концептуализация действительности и концептуализация коммуникативного опыта. Выявлена соотносительность и вместе с тем неполная коррелятивность типов и функций словообразовательных моделей, выделенных с разных теоретических позиций, в установках разных лингвистических парадигм.

Ключевые слова: словообразование, функции словообразования, словообразовательные модели, лингвистические парадигмы

Для цитирования: Крючкова О.Ю. Типы и функции словообразовательных моделей в аспекте разных лингвистических парадигм // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 96. С. 54–70. doi: 10.17223/19986645/96/3

Original article

doi: 10.17223/19986645/96/3

Types and functions of word-formation models in the aspect of different linguistic paradigms

Olga Yu. Kryuchkova¹

¹ *Saratov National Research State University, Saratov, Russian Federation, vpks@rambler.ru*

Abstract. Word formation study, like all spheres of linguistics, has been enriched in its development by the concepts and methodological approaches of different scientific paradigms. In the history of word formation, the structural and communicative-cognitive paradigms have clearly made themselves known. The volume of accumulated data and the level of their theoretical comprehension at the present stage allow us to move to the integration of knowledge, require a synthesizing view of the objects of word formation study. The article presents a multi-paradigm analysis of word-formation model types from the point of view of performed functions. It also considers the correlation of functional types (purpose) of word-formation models, distinguished from

the positions of structural, communicative, cognitive approaches. Within the framework of the structural paradigm, the types of word-formation models were identified in terms of the semantic relations between the original (producing) and the newly formed (derived) word generated by them; such types of word formation as syntactic and lexical derivation (with a distinction between mutation and modification) and equivalence word-formation models were singled out and characterized. In the aspect of communicative conditionality of word production processes, Elena Zemskaya proposed a communicatively oriented classification of word-formation models, which provided a basis for studying word-formation derivation as a means of ensuring the communicative needs of speakers. The author clarifies the role of word-formation derivation in the processes of conceptualization and categorization of the world from the position of cognitively oriented approach, raising the question about what aspects of human experience are systematized by the action of the word-formation mechanism. Derivatives of word-formation models belonging to different semantic and communicative types, in terms of their cognitive essence (functions of fixation and representation of cognitive experience) are distributed in general between two types of conceptualization – *conceptualization of reality* and *conceptualization of communicative experience*. At the same time, the boundaries between the representatives of the two named types of conceptualization are mobile, which is connected with the non-rigid differentiation of different cognitive vectors in the processes of linguistic categorization of knowledge. Correlation of semantic varieties of word-formation models, their communicative and cognitive types, makes it possible to see, on the one hand, the role and interaction of cognitive and communicative needs and operations in the realization of word-formation mechanisms of language, and to characterize, on the other hand, the role of word-formation derivation in providing the needs of world modeling and communication.

Keywords: word formation, functions of word formation, word formation models, linguistic paradigms

For citation: Kryuchkova, O.Yu. (2025) Types and functions of word-formation models in the aspect of different linguistic paradigms. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 96. pp. 54–70. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/96/3

Введение

Словообразование, как и вся лингвистика, обогатилось в своем развитии концепциями и методологическими установками разных научных парадигм и подходов. В истории словообразования отчетливо заявили о себе структурная и коммуникативно-когнитивная парадигмы. Становление последней связано с теорией и практикой коммуникативного, ономаσιологического (как первого этапа когнитивного анализа) и собственно когнитивного подходов.

Объем накопленных данных и уровень их теоретического осмысления на современном этапе позволяют перейти к интеграции знаний, требуют синтезирующего взгляда на объекты науки об образовании слов. Для выработки синтезирующей теории в области словообразования необходимы исследования полипарадигмального характера, рассматривающие одни и те же объекты с позиций разных парадигмальных подходов, ставящие задачу соотнесения данных, полученных в разных системах координат.

В настоящей статье таким объектом в его полипарадигмальном рассмотрении являются типы словообразовательных моделей – структурно-семантических аналогов производных слов. Предметом анализа является соотношение типов и функций словообразовательных моделей, выделяемых с позиций структурного, коммуникативного, когнитивного подходов.

Используя типологию деривационных моделей по характеру выражаемой ими семантики (созданную с позиций методологической установки на выявление характера структурно-семантических отношений мотивирующего и мотивированного языковых знаков) и типологию моделей по их коммуникативному назначению (появившуюся в результате перенесения фокуса внимания на коммуникативную обусловленность и коммуникативную предназначенность деривационных процессов), мы рассматриваем данные типы моделей с точки зрения репрезентированных в них когнитивных операций, фиксации познавательного опыта и предлагаем когнитивную типологию деривационных моделей. Когнитивная интерпретация словообразовательных моделей, классифицированных ранее с позиций иных парадигмальных подходов, позволяет охарактеризовать известные типы словообразовательных моделей в ином ракурсе, определить их роль в процессах концептуализации знаний. Опора на предшествующие классификации – достижения ранее сформировавшихся научных парадигм – позволяет не множить классификации, основанные на разных критериях, а выявлять новые свойства в уже известных объектах. Такой тип анализа может быть определен как синтезирующий. Применение синтезирующего парадигмального подхода к моделям словопроизводства дает возможность интегральной интерпретации одних и тех же моделей – с точки зрения структурно-семантических отношений между мотивирующей и мотивированной единицами, с точки зрения коммуникативного назначения словопорождающих образцов, а также с точки зрения их когнитивных функций. Интегральное описание словообразовательных моделей обнаруживает соотносительность и вместе с тем неполную коррелятивность типов и функций словообразовательных моделей, выделенных с разных теоретических позиций, в установках разных лингвистических парадигм.

Типы и функции словообразовательных моделей, выделенные с позиций структурно-семантического и коммуникативного подходов

Значительным достижением теории словообразования в эпоху господства структурализма стало выделение в 1960-е гг. семантических разновидностей словообразовательной деривации, классификация моделей словообразования по характеру выражаемой ими семантики. В работах Е. Куриловича, М. Докулила, затем Е.С. Кубряковой [1–3] были выделены и охарактеризованы такие виды словопроизводства, как синтаксическая и лексическая деривация, в составе последней группы моделей разграничиваются, в свою очередь, мутация и модификация. Это позволило установить разные

типы соотношений производных слов с их производящим на шкале семантической тождественности/нетождественности. Модели синтаксической деривации, модификационные и мутационные словообразовательные модели образовали шкалу перехода от словопроизводства с сохранением лексической семантики производящего слова к ее существенному преобразованию: словопроизводство, результатом которого становится лишь частеречная транспозиция производящего слова, изменение грамматической семантики; видоизменение (модификация) лексической семантики производящего без частеречной транспозиции; переход деривата в иной ономаσιологический класс в сравнении с производящим словом с частой, но необязательной частеречной транспозицией. Эти виды семантических соотношений были дополнены эквивалентностным семантическим типом словообразовательных моделей, обеспечивающих образование производных, тождественных по своей семантике производящим единицам, но отличающихся от них более краткой формой, ее компрессией (аббревиатуры, универбы) [4–10]. Эквивалентностные словообразовательные модели встраиваются в ту же шкалу семантических соотношений производящих и производных слов, занимая на этой шкале место предельного тождества.

Таким образом, в рамках структурной парадигмы были выявлены функции словообразовательных моделей с точки зрения генерируемых ими семантических отношений исходного (производящего) и вновь образуемого (производного) слова.

Начиная с середины 1970-х гг. одним из фундаментальных положений науки об образовании слов становится тезис о коммуникативной обусловленности словопроизводственных процессов, в соответствии с которым «коммуникативная предназначенность словообразования является источником внутренней энергетике словообразовательной системы» [11. С. 23]. Успешно развивается направление, определяемое как «словообразование и текст» (см., например, работы Е.Л. Гинзбурга, Л.В. Сахарного, Е.А. Земской, Б.Ю. Нормана, Н.Д. Голева). Классификационное преломление данное положение нашло в концепции Е.А. Земской, выделившей пять функций словообразования по отражению в словообразовательных моделях различных коммуникативных установок говорящего: 1) создать необходимое наименование (собственно номинативное словообразование: *компьютеризация*, *сверхпроводимость* и под.); 2) изменить синтаксическое построение речи (конструктивное словообразование: *моржевание*, *притчевость* и под.); 3) произвести более краткую номинацию (компрессивное словообразование: *пятитажка*, *завлаб* и под.); 4) получить экспрессивную форму выражения (экспрессивное словообразование: *старушенция*, *часик* и под.); 5) использовать средство выражения, соответствующее той или иной сфере речи, т.е. согласовать свой способ выражения с определенной сферой речи, областью общения (стилистическое словообразование: *табуретка*, *позабыть* и под.) [12. С. 8–12].

Предложенная Е.А. Земской коммуникативно ориентированная (функциональная) классификация словообразовательных моделей дала основу

для изучения словообразовательной деривации как средства обеспечения коммуникативных потребностей говорящих.

**Словообразовательные модели с точки зрения
их когнитивной природы. Корреляция типов и функций
словообразовательных моделей,
выделяемых с позиций разных парадигмальных установок**

В 1990-е и особенно в 2000-е гг. отчетливо обозначается интерес к когнитивной роли словообразования, к участию словообразовательных механизмов в процессах познания и вербализации его результатов (значительный вклад в становление когнитивного направления в словообразовании сыграли работы Е.С. Кубряковой). Актуальной задачей современной теории словообразования является построение новых, когнитивно ориентированных типологий деривационных структур. Цель когнитивно ориентированных типологий заключается, как отмечает Е.С. Кубрякова, в установлении функций словообразовательных единиц в процессах концептуализации и категоризации мира, в уяснении того, на систематизацию каких аспектов человеческого опыта направлено действие словообразовательного механизма. Такого рода типологию предлагает Е.С. Кубрякова на примере словообразовательных категорий. «Разные словообразовательные категории, – отмечает, например, Е.С. Кубрякова, – не тождественны именно в том, какой опыт взаимодействия человека с окружающей его средой они обобщают и в какой сортировке этого опыта они принимают участие» [13. С. 11]. В основу когнитивной типологии словообразовательных категорий, по мнению Е.С. Кубряковой, должен быть положен тип обрабатываемой словообразовательными средствами информации (сенсомоторной, т.е. «пришедшей по всем каналам чувственного восприятия мира», или же мыслительной, «непосредственно с наглядным опытом не связанной») [13. С. 11].

Обращаясь к анализу словообразовательных моделей с точки зрения их когнитивной природы, т.е. выявляя характер их участия в процессах обобщения и вербализации опыта взаимодействия человека с окружающей средой, мы устанавливаем определенные корреляции между коммуникативными и когнитивными функциями словопроизводственных процессов, а также корреляции когнитивных механизмов словообразования с семантическими разновидностями словообразовательных моделей (необходимость согласования когнитивных и коммуникативных факторов при анализе языковых явлений подчеркивает в ряде работ Е.С. Кубрякова, закрепляя эту мысль в обозначении новой научной парадигмы как когнитивно-дискурсивной).

Рассмотрим соотносительность коммуникативных и семантических типов словообразования с характером связанных с ними когнитивных операций.

Производные моделей, различающихся своей коммуникативной и семантической направленностью, являются одновременно и выразителями разных типов концептуализации, единицами, фиксирующими различный по своему характеру познавательный опыт. Два полюса, две крайние точки

шкалы когнитивных функций словообразовательной деривации образуют, с одной стороны, номинативные (мутационные) словообразовательные модели и, с другой стороны, модели стилистического и компрессивного словообразования.

Номинативные (мутационные) словообразовательные модели генерируют производные слова, появление которых обосновано познанием и осмыслением (концептуализацией) *мира действительного*, связано с опытом его освоения – чувственным или отвлеченным от наглядности. Производные собственно номинативных по своему коммуникативному предназначению словообразовательных моделей используются в речевой коммуникации как лексические репрезентанты категоризованных языком знаний, полученных в ходе осмысления человеком окружающего мира. Общей когнитивной функцией собственно номинативного словообразования является языковая категоризация *знаний о мире*, актуальных для коммуникативного взаимодействия.

Производные же **стилистического словообразования** (типа *табуретка, жилетка, селедка*) и производные, создаваемые в рамках **компрессивных** (эквивалентностных) **моделей** (аббревиатуры, универбаты), являются единицами, повторно репрезентирующими уже вербализованное понятие, и в этом смысле имеют *метаязыковую* природу, возникают как результаты актов языковой рефлексии. Такие модели характеризуются *вторичностью* связанных с ними когнитивных операций.

Учитывая тот факт, что весь словообразовательный механизм в целом характеризуется вторичностью ввиду действия обязательного для него принципа мотивированности [13. С. 12], необходимо дифференцировать типы когнитивной вторичности, выявляемой в моделях собственно номинативного словообразования, с одной стороны, и в моделях стилистического и компрессивного словообразования – с другой. В актах номинативной деривации отражается мотивированность *нового понятия другим/другими понятием/понятиями*, появление *нового предмета мысли*, концептуализация и языковая категоризация нового кванта знания о мире с опорой на смежные, но другие явления, уже получившие языковую репрезентацию, ср.: действие и инструмент его осуществления (*точить – точилка, варить кофе – кофеварка*), действие и лицо, производящее действие (*учить – учитель, рубить – рубщик*), качественный признак и лицо, характеризуемое данным признаком (*веселый – весельчак, красивый – красавец*).

Вторичность когнитивных операций, фиксируемых в актах стилистического и компрессивного словообразования, иная, нежели вторичность в актах собственно номинативного словообразования. Производные с собственно стилистической функцией и различного рода сокращенные производные фиксируют не знание о новом объекте (и не видоизменение этого знания, см. об этом ниже), а когнитивную операцию *выбора формы проявления знания*, соответствующей условиям общения. Производные стилистического и компрессивного словообразования целиком обусловлены характером конкретных коммуникативных актов и отвечают требованиям

внешних, ситуативных условий коммуникации; такие производные входят в состав языковых средств, обеспечивающих социально обусловленное переключение коммуникативных кодов, служат средствами речевого воплощения конкретных коммуникативных установок. Ср. характеристику стилистической и компрессивной функций словообразования у Е.А. Земской: стилистическая функция обеспечивается производными, назначение которых соответствовать определенному виду коммуникации, компрессивная функция – производными, служащими целям сокращения уже имеющихся в языке номинативных единиц [12. С. 9–10]. Добавим, что производные компрессивного словообразования в конечном счете также обеспечивают соответствие определенной коммуникативной модели – установке на свернутое, редуцированное выражение смысла, допускаемое или требуемое условиями коммуникации.

Таким образом, если коммуникативный эффект (коммуникативная роль) моделей стилистического и компрессивного словообразования различен, то когнитивная их основа – общая. Результирующие единицы стилистического и компрессивного словообразования (а также рост продуктивности таких моделей) объективируют представления о коммуникативных нормах, коммуникативных приоритетах, релевантных для данной коммуникативной ситуации, коммуникативной сферы, наконец, для данного этапа развития языка (ср., например, активное развитие моделей аббревиации и универбации в 1-й четверти XX столетия – в эпоху разрешения антиномии говорящего и слушающего в пользу говорящего [14. С. 30]).

Таким образом, производные стилистических и компрессивных моделей становятся языковыми репрезентантами концептуальных структур, сформированных на основе *коммуникативного опыта* и коммуникативных предпочтений говорящих. Производные стилистических и компрессивных моделей, наделенные, как и любое слово, номинативной функцией, создаются, однако, не для реализации этой функции, а для речевой репрезентации избираемых говорящими форм общения. Общей когнитивной функцией стилистического и компрессивного словообразования является *функция концептуализации коммуникативного опыта, коммуникативной компетенции, категоризации знаний о формах общения*.

Модели **экспрессивного** словопроизводства (образующие центральную категорию в сфере словообразовательной модификации) и **конструктивного** (синтаксического) словообразования занимают срединное положение на шкале когнитивных функций словообразовательной деривации (*концептуализация действительности – концептуализация коммуникативного опыта*), имеют двойственную природу. Специфика экспрессивного и конструктивного словообразования состоит в том, что в словообразовательном акте не вербализуется новое понятие, не означает новый предмет мысли (что характерно для собственно номинативных моделей), а характеризуется (оценивается) или представляется в ином ракурсе (в иной форме, с иной степенью абстрагированности) уже осмысленное и «сохраненное» в языке (ср.:

«когда речь идет о коннотативных образованиях лексемы, то нового понятия, по существу, не возникает, а присутствует использование лексического значения производящего знака в сфере «эмоция – оценка» [15. С. 212]).

Операции с уже вербализованными сущностями сближают экспрессивное и конструктивное словообразование с моделями стилистической и компрессивной деривации, однако отличаются от них наличием *понятийной* составляющей (понятийной направленностью). Общей и основной когнитивной функцией экспрессивного и конструктивного словообразования является *функция видоизменения (перекатегоризации) уже закрепленного в языке знания*, а не собственно метаязыковые процедуры. С когнитивной точки зрения сущность моделей экспрессивно-оценочного и конструктивного словообразования можно определить как *метапонятийную* (в отличие от *метакоммуникативной* рефлексии, лежащей в основе моделей стилистического и компрессивного словообразования).

Вместе с тем промежуточное положение моделей экспрессивно-оценочного и конструктивного словообразования на шкале когнитивных функций словообразования (*концептуализация действительности – концептуализация коммуникативного опыта*) выражается в том, что интерпретативные акты как когнитивные механизмы моделей экспрессивного и конструктивного словообразования обращены одновременно и к миру действительному, и к языку, ср.: двойственную – коммуникативную и одновременно понятийную – природу коннотативного словообразования подчеркивает А.Л. Шарандин: «...коннотация как семантическое явление имеет интерпретационный характер, который отражает коммуникативно-дискурсивную природу ее формирования» [15. С. 212].

Метаязыковая (метакоммуникативная) сущность производных слов, порожаемых моделями экспрессивной и конструктивной деривации, состоит в том, что они обеспечивают определенный фокус *речевого* варьирования знаний о внеязыковых феноменах, приписывая им модус субъективного отношения или изменяя форму речевой организации (синтаксическое построение речи). Метаязыковой характер экспрессивного словообразования отмечает Е.А. Земская, определяя назначение таких словообразовательных моделей формулой «получить экспрессивную форму выражения». Именно метаязыковая сущность подчеркивается также при традиционном описании производных синтаксической деривации (единиц конструктивного словообразования в классификации Е.А. Земской), отличающихся от своих производящих не значением, а лишь принадлежностью к другой части речи (синтаксической функцией).

Однако метакоммуникативные свойства экспрессивно-оценочного и конструктивного (синтаксического) представляют собой вторичный эффект когнитивного моделирования таких единиц, в основе которого лежат видоизменения понятий. Так, экспрессивно-оценочная деривация, избирательно реализуемая в языке и речи, различно осуществляемая (или не осуществляемая) на базе разных типов производящих слов, определяется *характером*

понятийного содержания исходных единиц, представляет собой когнитивную операцию соотнесения знаний о феноменах, означенных потенциально производящими словами, с возможностью/невозможностью их оценочной интерпретации. Ср., например, узуальные диминутивные образования типа *ручка, ножка, вазочка, стаканчик*, окказиональные *адвокатик, ураганчик, философийка* и не реализуемые в языке и речи **тенденцийка, *ветеранчик* (о стимулах и ограничениях к диминутивно-оценочному словообразованию см. в [16]).

Другие словообразовательные модели, традиционно включаемые в ряд модификационных (со значениями единичности, невзрослости, женскости, собирательности, подобия, см. [17]), отличаются в когнитивном плане от экспрессивно-оценочного словообразования, поскольку лежащие в их основе когнитивные акты базируются на знаниях о возможных видоизменениях и связях *реалий* окружающей среды, т.е. в конечном итоге определяются концептуализацией мира действительного. Их когнитивная функция заключается в языковой фиксации *иного предмета мысли* (хотя и близкого к уже означенному предмету), что в принципиальном плане сближается с когнитивной направленностью собственно номинативных (мутационных) словообразовательных моделей.

Собственно модификационная деривация носит иной когнитивный характер. Ср.: об интерпретационной сущности модификационного словообразования, репрезентирующего когнитивную способность человека перерабатывать объективную отражательную информацию «с точки зрения *отношения* к ней», пишет А.Л. Шарандин [15. С. 205], подчеркивая, что «наиболее ярко модификационное словообразование представлено в производных словах с коннотативным значением» [15. С. 211] (см. также [18]). Возможность вторичного характера когнитивных операций (функция перекатегоризации уже закрепленного в языке знания) подчеркивается, на наш взгляд, в рассуждении Ю.С. Маслова о видообразовании и способах глагольного действия: «...и вид и способ действия отражают какие-то различия в типах протекания глагольного действия или *в типах представления этого протекания говорящим* (курсив мой. – О.К.)» [19. С. 160]. Показательным для понимания когнитивных различий мутационной и модификационной деривации в целом является, например, следующее положение, высказанное Е.В. Петрухиной о разновидностях внутриглагольного словообразования: «...если внутриглагольная деривация затрагивает и меняет результативно-целевую перспективу исходного глагола <...>, то в результате словообразовательного процесса возникает номинация нового действия, а сама деривация является мутацией, например: *кричать – перекричать (кого-либо), сидеть – отсидеть (ногу), гулять – прогулять (лекцию)*. Если же меняются лишь временны́е, пространственные, количественные, оценочные характеристики исходного действия (ср. *кричать – закричать, покричать, прокричать, накричаться* и т.п.), то в основе деривации лежит модификация» [20. С. 13–14].

Таким образом, дериваты, традиционно описываемые в составе модификационных категорий, неоднородны и в разной степени тяготеют к противоположным точкам описываемой когнитивной шкалы – понятийной и метаязыковой концептуализации (не случайно традиционной является дискуссия о составе модификационных словообразовательных категорий, о разграничении мутации и модификации).

Синтаксические дериваты, носящие непропозитивный характер (не создающие нового пропозитивного содержания) и реализующие в коммуникативных актах, по Е.А. Земской, конструктивную функцию (используются или создаются в речи в целях изменения ее структуры), также имеют двойственную когнитивную природу, являются одновременно знаками *понятийно* направленного «когнитивного шага» (подробный анализ механизмов и результатов синтаксической деривации см., например, в [21]). Коммуникативная функция синтаксических дериватов не ограничивается лишь их технической текстообразующей ролью. В речевой коммуникации производные конструктивных словообразовательных моделей видоизменяют не только синтаксическое построение речи, но и ее семантический рисунок. Так, например, отглагольные и отадективные существительные (*nomina abstracta*), обеспечивая номинализацию пропозициональных структур, «перестройку лексемы в духе другой части речи» [22. С. 34], маркируют достижение более высокого уровня концептуализации соответствующих неязыковых сущностей. Неязыковые сущности, обозначенные субстантивными формами с предельно абстрактными значениями, оказываются представленными в абсолютизированном виде, что, в свою очередь, свидетельствует об их в высшей степени обобщенном осмыслении, максимально абстрагированном от конкретной ситуативности, от соотнесенности с субъектом и объектом фиксируемой производным словом ситуации (см., например, [23. С. 361; 24. С. 63]). Изменение категориального оформления (перекатегоризация) понятий в актах словообразовательной деривации, не служащих собственно номинативным целям, накладывает, однако, «свой отпечаток на появившееся в результате транспозиции новообразование»: «действие и качество перестают восприниматься как признаки какого-либо предмета, а интерпретируются как самостоятельные сущности, в отвлечении от их действительных носителей»; «поэтому по отношению к ним возможна дальнейшая в тексте предикация или атрибутивность» [15. С. 200]. Не случайно исследователями отмечается свойственная синтаксическим дериватам тенденция приобретать качества лексических, переход слова «из одного содержательного, “энциклопедического” класса в другой» [22. С. 37].

Рассуждая о различных когнитивных функциях, репрезентируемых средствами словообразования, необходимо иметь в виду, что нет и не может быть абсолютно четкого и однозначного распределения словообразовательных моделей между этими двумя типами концептуализации – *концептуализацией действительности* и *концептуализацией коммуникативного опыта*. Подвижность границ между репрезентантами двух названных типов кон-

цептуализации связана прежде всего с нежесткой дифференциацией различных векторов освоения сущего в процессе языковой категоризации знаний. Это выражается, в частности, и в естественных для языка случаях переходности (например, производные одного функционального типа приобретают качества другого), и в фактах функционально-семантического синкретизма словообразовательных дериватов, словообразовательных моделей и категорий (возможность совмещения производными словами разных функций в акте коммуникации отмечает Е.А. Земская [12. С. 12]). Ср., например, производные типа *толстуха*, *хохотушка* со смешанным мутационно-модификационным типом словообразовательного значения (о совмещении разных типов словообразовательных значений см. [25, 26]); модели экспрессивного словообразования, порождающие производные с меняющейся в зависимости от контекста или лексико-семантической базы коммуникативной функцией (слово *стульчик* в одном контексте может профилировать оценку говорящим самого предмета, в другом – оценку ситуации общения, тогда как дериваты *часок*, *минутка*, *годик* целиком ситуативны, служат маркерами регистра общения); производные моделей как мутационной, так и синтаксической деривации могут относиться к разным стилистико-дискурсивным регистрам (о жанрово-стилистической дифференциации словообразовательных средств русского языка и роли функционально-стилистического фактора в развитии словообразовательной системы русского языка см. [27. С. 11–15]).

Смысл выделения различных типов концептуализации, объективируемых средствами словообразования, заключается не в распределении без остатка всех словообразовательных моделей и производных слов между этими типами, а в выявлении различных по своему характеру ментальных составляющих словообразовательного механизма, отвечающего на различные запросы коммуникации и фиксирующего в силу разнообразия коммуникативных потребностей различные виды познавательного опыта и его конкретные элементы.

Заключение

Анализ функций словообразовательных процессов, проведенный в духе триангуляционной методики (ее суть состоит в использовании в рамках одного исследования различных типов данных, данных нескольких подходов, см. [28]), выявил в целом соотносимость результатов, полученных при рассмотрении одних и тех же объектов с разных теоретических позиций, что поддерживает представление о корректности (принципиальной непротиворечивости) предложенных построений. В то же время постановка разных вопросов при рассмотрении одних и тех же объектов, высвечивая точки расхождений, обнаруживает «трудные случаи» интерпретации явления, диагностирует его внутреннюю неоднородность.

Соотнесение семантических разновидностей словообразовательных моделей, их коммуникативных и когнитивных типов дает возможность уви-

деть, с одной стороны, роль и взаимодействие когнитивных и коммуникативных потребностей и операций в реализации словообразовательных механизмов языка (ответить на вопрос, «какие структуры знания стоят за определенными языковыми формами» [29. С. 5]), и, с другой стороны, охарактеризовать роль словообразовательной деривации в обеспечении нужд миромоделирования и коммуникации (ответить на вопрос, «с помощью каких языковых форм могут быть репрезентированы те или иные форматы знания» [29. С. 5]).

Изучение семантических разновидностей словообразовательных моделей, их коммуникативных и когнитивных типов необходимо дополнить историческим анализом. Есть впечатление, что представленная нами когнитивная шкала – от моделей, детерминированных потребностями концептуализации и категоризации знаний о мире (понятийных моделей), – через модели, обеспечивающие возможности перекатегоризации знаний (метапонятийные), – к моделям, связанным с задачами концептуализации коммуникативного опыта, потребностями в разнообразных формах предъявления знаний (метаязыковым) (движение от категорий «реляционных» к категориям «дескриптивным», если воспользоваться наименованиями типов категорий у Б.М. Гаспарова [30]), не противоречит тенденциям исторического развития русского словообразования. Имеющиеся исследования свидетельствуют о более позднем (сравнительно с номинативными моделями) формировании моделей экспрессивного и конструктивного словообразования, еще более позднем развитии деривации стилистической и компрессивной направленности (речь, конечно, идет о вхождении названных типов словопроизводства в максимальную фазу своей продуктивности) [5, 27, 31, 32]; неоднократно на примере разных языковых подсистем прослежена вторичность разного рода оценочных, интерпретационных значений по отношению к значениям «реального» характера, апеллирующим к миру действительному [33, 34].

Полипарадигмальный подход к интерпретации языкового материала способствует более глубокому пониманию сущности рассматриваемого объекта, позволяет представить его как органическое целое; ср. замечание Е.С. Кубряковой о том, что получение разных результатов в случаях применения «разных отправных точек зрения при анализе материала в рамках единой дисциплины <...> не только не препятствует осознанию целостности изучаемого объекта, но, наоборот, способствует его более глубокому, а потому и более адекватному пониманию» [29. С. 7].

Синтезирующие лингвистические описания языковых явлений, базирующиеся на фундаменте предварительного аспектного их рассмотрения, обладают значительной эвристической ценностью, служат консолидации достижений разных лингвистических парадигм, формированию новых синтезирующих концепций языка, с которыми многие ученые связывают будущее лингвистической науки (см., например, [35–38]).

Список источников

1. Курилович Е. Очерки по лингвистике : сб. ст. М. : Изд-во иностранной литературы, 1962. 456 с.
2. Dokulil M. Tvoření slov v češtině. Vyd. 1. Teorie odvozování slov. Praha, 1962. 263 s.
3. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. М. : Наука, 1981. 200 с.
4. Уханов Г.П. Об отношении сложносокращённых слов к словосочетаниям с той же предметной отнесенностью // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1961. № 1. С. 187–196.
5. Алексеев Д.И. Сокращённые слова в русском языке. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1979. 328 с.
6. Лопатин В.В. Суффиксальная универбация и смежные явления в сфере образования новых слов // Новые слова и словари новых слов / отв. ред. Н.З. Котелова. Л. : Наука, 1978. С. 72–80.
7. Осипова Л.И. Активные процессы в современном русском словообразовании (суффиксальная универбация и усечение) : дис. ... д-ра филол. наук. М., 1994. 506 с.
8. Копоть Л.В. Универбация как вид компрессивного словообразования в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2005. 201 с.
9. Тихонов А.Н. Универбация // Русский язык: энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий : В 2 т. Т. 1. М. : Флинта: Наука, 2008. С. 655–656.
10. Теркулов В.И. Методика прогнозирования отношений эквивалентности для сложносокращённых слов // Лингвистические исследования и их использование в практике преподавания русского и иностранных языков : материалы I Междунар. науч.-метод. конф. (21 мая 2018 г.). Донецк : ДонНТУ, 2018. С. 69–79.
11. Голев Н.Д. Словообразование как эволютивный синергетический процесс // Актуальные проблемы современного словообразования : материалы Междунар. науч. конф. / под общ. ред. проф. Л.А. Араевой. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2008. С. 21–31.
12. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. 2-е изд., стер. М. : КомКнига, 2005. 224 с.
13. Кубрякова Е.С. Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2006. Т. 65, № 2. С. 3–13.
14. РЯиСО 1968 – Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование. Лексика современного русского литературного языка. М. : Наука, 1968. 186 с.
15. Шарандин А.Л. Словообразовательное формообразование и модификационное словообразование в системе русской деривации // Системные, когнитивно-дискурсивные и синхронно-диахронические аспекты деривационных процессов в русском языке / отв. ред. Е.В. Петрухина, В.И. Теркулов, О.Ю. Крючкова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2024. С. 197–218.
16. Крючкова О.Ю. Деминутивно-оценочная редупликация в языке и речи // Язык и общество. Функциональный подход к языку как признак современной научной парадигмы / отв. ред. Л.И. Баранникова. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1995. С. 58–65.
17. Русская грамматика. Т. 1. М. : Наука, 1980. 784 с.
18. Болдырев Н.Н. Интерпретирующий потенциал вторичных структур // Когнитивные исследования языка. 2021. № 1 (44). С. 15–24.
19. Маслов Ю.С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке // Вопросы грамматики болгарского литературного языка / отв. ред. С.Б. Бернштейн. М. : АН СССР, 1959. С. 157–312.

20. Петрухина Е.В. Особенности аспектуальной деривации в русском языке (на славянском фоне) // *Южнославянский филолог.* св. 2. 2023. Кн. LXXIX. С. 11–27.
21. Резанова З.И. Функциональный аспект словообразования: Русское производное имя. Томск : ТГУ, 1996. 218 с.
22. Урысон Е.В. Синтаксическая деривация и «наивная» картина мира // *Вопросы языкознания.* 1996. № 4. С. 25–38.
23. Гак В.Г. Языковые преобразования. М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.
24. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж : Истоки, 2006. 226 с.
25. Лопатин В.В. Основные единицы сопоставительного описания словообразовательной системы славянских языков // *Сопоставительное изучение словообразования славянских языков* / отв. ред. Г.П. Нецименко. М. : Наука, 1987. С. 46–53.
26. Улуханов И.С. О совмещении значений морфем // *Облик слова* / отв. ред. Л.П. Крысин. М. : Русские словари, 1997. С. 105–112.
27. Крючкова О.Ю. Влияние жанрово-стилистического развития русской письменной речи XI–XVII веков на словообразовательные процессы // *Жанры речи. Международный научный журнал.* 2018. № 2 (18). С. 96–103.
28. Тарасов Е.Ф. Жизнь языка в культуре и социуме (вместо вступительного слова) // *Жизнь языка в культуре и социуме : материалы конференции, посвященной 75-летию доктора филологических наук, профессора Евгения Федоровича Тарасова.* Москва ; Калуга : Эйдос, 2010. С. 3–8.
29. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка // *Вопросы когнитивной лингвистики.* 2009. № 1 (018). С. 5–12.
30. Гаспаров Б. М. Введение в социограмматику // *Проблемы языковой системы и ее функционирования* (Учен. зап. Тартуского ун-та. Вып. 425). Тарту, 1977. С. 24–45.
31. Азарх Ю.С. К истории существительных с суффиксами субъективной оценки в русском языке // *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования.* 1978 / отв. ред. Р.И. Аванесов. М. : Наука, 1980. С. 151–175.
32. Крючкова О.Ю. Динамика структурно-семантических моделей производных слов и ее коммуникативно-когнитивная основа (на материале вторичных диминутивов) // *Вестник Самарского государственного университета. История, педагогика, филология.* 2016. № 3.2. С. 15–20.
33. Дмитриева О.И., Крючкова О.Ю. Динамика словообразовательных процессов: семантико-когнитивный, жанрово-стилистический, структурный аспекты. Саратов : Научная книга, 2010. 364 с.
34. Крючкова О.Ю. Динамические тенденции в области русской словообразовательной деривации и методические принципы изучения правил словопроизводства // *Динамические аспекты русского словообразования.* Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2021. С. 6–30.
35. Кубрякова Е.С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // *Известия РАН. Серия литературы и языка.* 1994. Т. 53, № 2. С. 3–15.
36. Зубкова Л.Г. Общая теория языка в развитии. М. : Изд-во РУДН, 2002. 472 с.
37. Лузина Л.Г. О когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистического знания // *Парадигмы научного знания в современной лингвистике* / отв. ред. Е.С. Кубрякова, Л.Г. Лузина. М. : РАН. ИНИОН, 2008. С. 40–48.
38. Кошелев А.Д. Современная теоретическая лингвистика как Вавилонская башня (о «мирном» сосуществовании множества несовместимых теорий языка) // *Известия РАН. Серия литературы и языка.* 2013. Т. 72, № 6. С. 3–22.

References

1. Kurilovich, E. (1962) *Ocherki po lingvistike* [Essays on Linguistics]. Moscow: Izd-vo inostrannoy literatury.
2. Dokulil, M. (1962) *Tvoření slov v češtině*. Vol 1. Praha: Academia.
3. Kubryakova, E.S. (1981) *Tipy yazykovykh znacheniy: Semantika proizvodnogo slova* [Types of Linguistic Meanings: Semantics of a derivative word]. Moscow: Nauka.
4. Ukhanov, G.P. (1961) Ob otnoshenii slozhnosokrashchennykh slov k slovosochetaniyam s toy zhe predmetnoy otnesennost'yu [On the relationship of abbreviated words to phrases with the same subject reference]. *Nauchnye doklady vysshey shkoly. Filologicheskie nauki*. 1. pp. 187–196.
5. Alekseev, D.I. (1979) *Sokrashchennye slova v russkom yazyke* [Abbreviated Words in Russian]. Saratov: Saratov State University.
6. Lopatin, V.V. (1978) Suffiksálnaya univerbatsiya i smezhnye yavleniya v sfere obrazovaniya novykh slov [Suffixal univerbation and related phenomena in the sphere of formation of new words]. In: Kotelova, N.Z. (ed.) *Novye slova i slovari novykh slov* [New Words and Dictionaries of New Words]. Leningrad: Nauka. pp. 72–80.
7. Osipova, L.I. (1994) *Aktivnye protsessy v sovremennom russkom slovoobrazovanii (suffiksálnaya univerbatsiya i usechenie)* [Active processes in modern Russian word formation (suffixal univerbation and truncation)]. Philology Dr. Diss. Moscow.
8. Kopot', L.V. (2005) *Univerbatsiya kak vid kompressivnogo slovoobrazovaniya v sovremennom russkom yazyke* [Univerbation as a type of compressive word formation in the modern Russian language]. Philology Cand. Diss. Maykop.
9. Tikhonov, A.N. (2008) Univerbatsiya [Univerbation]. In: *Russkiy yazyk: entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov i ponyatiy* [Russian Language: Encyclopedic dictionary-reference book of linguistic terms and concepts]. Vol. 1. Moscow: Flinta: Nauka. pp. 655–656.
10. Terkulov, V.I. (2018) [Methodology for predicting equivalence relations for complex abbreviated words]. *Lingvisticheskie issledovaniya i ikh ispol'zovanie v praktike prepodavaniya russkogo i inostrannykh yazykov* [Linguistic Studies and Their use in the Practice of Teaching Russian and Foreign Languages]. Proceedings of the 1st International Conference. 21 May 2018. Donetsk: Donetsk National Technical University. pp. 69–79. (In Russian).
11. Golev, N.D. (2008) [Word formation as an evolutionary synergetic process]. *Aktual'nye problemy sovremennogo slovoobrazovaniya* [Current Problems of Modern Word Formation]. Proceedings of the International Conference. Kemerovo. 24–25 June 2007. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. pp. 21–31. (In Russian).
12. Zemskaya, E.A. (2005) *Slovoobrazovanie kak deyatel'nost'* [Word Formation As an Activity]. 2nd ed. Moscow: Kom Kniga.
13. Kubryakova, E.S. (2006) Obrazy mira v soznanii cheloveka i slovoobrazovatel'nye kategorii kak ikh sostavlyayushchie [Images of the world in human consciousness and word-formation categories as their components]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. 2 (65). pp. 3–13.
14. Panov, M.V. (ed.) (1968) *RYaISO 1968 – Russkiy yazyk i sovetskoe obshchestvo. Sotsiologo-lingvisticheskoe issledovanie. Leksika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [RYaISO 1968 – Russian language and Soviet society. Sociological and linguistic study. Lexicon of the modern Russian literary language]. Moscow: Nauka.
15. Sharandin, A.L. (2024) Slovoobrazovatel'noe formoobrazovanie i modifikatsionnoe slovoobrazovanie v sisteme russkoy derivatsii [Word-formation and modification word-formation in the system of Russian derivation]. In: Petrukhina, E.V., Terkulov, V.I. & Kryuchkova, O.Yu. (eds) *Sistemnye, kognitivno-diskursivnye i sinkhronno-diakhronicheskie aspekty derivatsionnykh protsessov v russkom yazyke* [Systemic, Cognitive-Discursive and

Synchronic-Diachronic Aspects of Derivational Processes in the Russian Language]. Moscow: Moscow State University. pp. 197–218.

16. Kryuchkova, O.Yu. (1995) Deminutivno-otsenchnaya reduplikatsiya v yazyke i rechi [Deminutive-evaluative reduplication in language and speech]. In: Barannikova, L.I. (ed.) *Yazyk i obshchestvo. Funktsional'nyy podkhod k yazyku kak priznak sovremennoy nauchnoy paradigmy* [Language and Society. Functional approach to language as a feature of a modern scientific paradigm]. Saratov: Saratov State University. pp. 58–65.

17. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Vol. 1. Moscow: Nauka.

18. Boldyrev, N.N. (2021) Interpretiruyushchiy potentsial vtorichnykh struktur [Interpretive potential of secondary structures]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. 1 (44). pp. 15–24.

19. Maslov, Yu.S. (1959) Glagol'nyy vid v sovremenном bolgarskom literaturnom yazyke [Verb aspect in the modern Bulgarian literary language]. In: Bernshteyn, S.B. (ed.) *Voprosy grammatiki bolgarskogo literaturnogo yazyka* [Questions of Grammar of the Bulgarian Literary Language]. Moscow: USSR AS. pp. 157–312.

20. Petrukhina, E.V. (2023) Osobennosti aspektual'noy derivatsii v russkom yazyke (na slavyanskom fone) [Features of aspectual derivation in the Russian language (against the Slavic background)]. *Juzhnoslovenski filolog. sv. 2*. Book 79. pp. 11–27.

21. Rezanova, Z.I. (1996) *Funktsional'nyy aspekt slovoobrazovaniya: Russkoe proizvodnoe imya* [Functional Aspect of Word Formation: Russian derivative name]. Tomsk: Tomsk State University.

22. Uryson, E.V. (1996) Sintaksicheskaya derivatsiya i "naivnaya" kartina mira [Syntactic derivation and the "naive" picture of the world]. *Voprosy yazykoznavaniya*. 4. pp. 25–38.

23. Gak, V.G. (1998) *Yazykovye preobrazovaniya* [Language Transformations]. Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kultury".

24. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2006) *Semantiko-kognitivnyy analiz yazyka* [Semantic-Cognitive Analysis of Language]. Voronezh: Istoki.

25. Lopatin, V.V. (1987) Osnovnye edinit'sy sopostavitel'nogo opisaniya slovoobrazovatel'noy sistemy slavyanskikh yazykov [Basic units of comparative description of the word-formation system of Slavic languages]. In: Neshchimenko, G.P. (ed.) *Sopostavitel'noe izuchenie slovoobrazovaniya slavyanskikh yazykov* [Comparative Study of Word Formation of Slavic Languages]. Moscow: Nauka. pp. 46–53.

26. Ulukhanov, I.S. (1997) O sovmeshchenii znacheniy morfem [On the combination of meanings of morphemes]. In: Krysin, L.P. (ed.) *Oblik slova* [The Form of the Word]. Moscow: Russkie slovari. pp. 105–112.

27. Kryuchkova, O.Yu. (2018) Vliyaniye zhanrovo-stilisticheskogo razvitiya russkoy pis'mennoy rechi XI–XVII vekov na slovoobrazovatel'nye protsessy [The influence of genre and stylistic development of Russian written speech of the 11th–17th centuries on word-formation processes]. *Zhanyy rechi. Mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal*. 2 (18). pp. 96–103.

28. Tarasov, E.F. (2010) [Life of language in culture and society (instead of an introductory speech)]. *Zhizn' yazyka v kul'ture i sotsiume* [Life of Language in Culture and Society]. Proceedings of the Conference. Moscow. 14–15 April 2010. Moscow; Kaluga: Eydos. pp. 3–8. (In Russian).

29. Kubryakova, E.S. (2009) V poiskakh sushchnosti yazyka [In search of the essence of language]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 1 (018). pp. 5–12.

30. Gasparov, B.M. (1977) Vvedeniye v sotsiogrammatiku [Introduction to Sociogrammatiks]. In: *Problemy yazykovoy sistemy i ee funktsionirovaniya* (Uchen. zap. Tartuskogo un-ta. Yyp. 425) [Problems of the Language System and Its Functioning (Academic Record of Tartu University. Issue 425)]. Tartu: Tartu State University. pp. 24–45.

31. Azarkh, Yu.S. (1980) K istorii sushchestvitel'nykh s suffiksami sub"ektivnoy otsenki v russkom yazyke [On the history of nouns with suffixes of subjective evaluation in the Russian

language]. In: Avanesov, R.I. (ed.) *Obshcheslavianskiy lingvisticheskiy atlas. Materialy i issledovaniya*. 1978 [General Slavic Linguistic Atlas. Materials and Research. 1978]. Moscow: Nauka. pp. 151–175.

32. Kryuchkova, O.Yu. (2016) Dinamika strukturno-semanticheskikh modeley proizvodnykh slov i ee kommunikativno-kognitivnaya osnova (na materiale vtorichnykh diminutivov) [Dynamics of structural-semantic models of derivative words and its communicative-cognitive basis (based on secondary diminutives)]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya*. 3.2. pp. 15–20.

33. Dmitrieva, O.I. & Kryuchkova, O.Yu. (2010) *Dinamika slovoobrazovatel'nykh protsessov: semantiko-kognitivnyy, zhanrovo-stilisticheskiy, strukturnyy aspekty* [Dynamics of Word-Formation Processes: Semantic-cognitive, genre-stylistic, structural aspects]. Saratov: Nauchnaya kniga.

34. Kryuchkova, O.Yu. (2021) Dinamicheskie tendentsii v oblasti russkoy slovoobrazovatel'noy derivatsii i metodicheskie printsipy izucheniya pravil slovoпроизводства [Dynamic trends in the field of Russian word-formation derivation and methodological principles for studying the rules of word production]. In: *Dinamicheskie aspekty russkogo slovoobrazovaniya* [Dynamic Aspects of Russian Word Formation]. Saratov: Saratov State University. pp. 6–30.

35. Kubryakova, E.S. (1994) Paradigmy nauchnogo znaniya v lingvistike i ee sovremennyy status [Paradigms of scientific knowledge in linguistics and its modern status]. *Izvestiya RAN. Ser. lit. i yaz.* 2 (53). pp. 3–15.

36. Zubkova, L.G. (2002) *Obshchaya teoriya yazyka v razviti*i [General Theory of Language in Development]. Moscow: RUDN University.

37. Luzina, L.G. (2008) O kognitivno-diskursivnoy paradigme lingvisticheskogo znaniya [On the cognitive-discursive paradigm of linguistic knowledge]. In: Kubryakova, E.S. & Luzina, L.G. (eds) *Paradigmy nauchnogo znaniya v sovremennoy lingvistike* [Paradigms of Scientific Knowledge in Modern Linguistics]. Moscow: INION RAS. pp. 40–48.

38. Koshelev, A.D. (2013) Sovremennaya teoreticheskaya lingvistika kak Vavilonskaya bashnya (o "mirnom" sosushchestvovanii mnozhestva nesovmestimyykh teoriy yazyka) [Modern theoretical linguistics as the Tower of Babel (on the "peaceful" coexistence of many incompatible theories of language)]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. 6 (72). pp. 3–22.

Информация об авторе:

Крючкова О.Ю. – д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия). E-mail: vpks@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.Yu. Kryuchkova, Dr. Sci. (Philology), full professor, head of the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov National Research State University (Saratov, Russian Federation). E-mail: vpks@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.12.2024;
одобрена после рецензирования 28.04.2025; принята к публикации 21.07.2025.

The article was submitted 10.12.2024;
approved after reviewing 28.04.2025; accepted for publication 21.07.2025.